

И. О. Прокофьева

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ИСПОВЕДАЛЬНО-БИОГРАФИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ ПЕТРА ХРАМОВА «ИНОК»

Рассматривается современная уфимская проза, проведен анализ повести талантливого уфимского художника, писателя П. Храмова, своеобразие ее сюжета, композиции, образной системы, системы приемов, используемых прозаиком в повести «Инок».

Ключевые слова: *уфимская проза, повесть, герой-повествователь, мифологема, принцип контраста, афористичность, ретроспектива, пространственно-временные координаты, галерея женских характеров, ирония.*

«Жизнь – это война с забвением...» [1, с. 150]. Эти слова из произведения «Инок» уфимского художника Петра Храмова как нельзя лучше подходят к тому, чтобы подчеркнуть главную особенность данного произведения, которое, безусловно, обладает многими художественными достоинствами. Главный герой – маленький мальчик, чья душа тонко распознает и глубоко оценивает прекрасное и безобразное в окружающем его мире. Мире, который включает и ассимилирует в себе прошлое и настоящее, сиюминутное и вечное; уютное пространство родного дома и целой России, настоящее нашего Отечества и его историю, прошлое, пейзаж родного края и бездну вселенной. В тексте писателя, как это часто бывает в автобиографических произведениях, легко и виртуозно соединяются оценки этого мира главным героем, который предстает перед читателем то шестилетним мальчиком, то подростком, то 26-летним молодым человеком, то более зрелым и мудрым мужчиной.

С одной стороны, перед читателем разворачивается широкая картина военной и послевоенной жизни уфимцев (именно из Уфы родом герои произведения писателя), которая расширяется благодаря авторским комментариям до полотна общероссийского бытования. А с другой стороны, художник создает многоцветное исповедальное, задушевное, глубоко интимное и трогательное полотно жизни внутренней, поражающей своей тонкостью и филигранностью.

И хотя на основании всего вышесказанного, казалось бы, можно отнести произведение Петра Храмова к жанру романа, точнее было бы определить жанр данного текста как исповедально-биографическую повесть, так как в центре сюжета произведения – развитие и становление души главного героя, весь сюжет сфокусирован на состоянии души и переживаниях мальчика, чьи оценки порой бывают мудрее, точнее и глубже, чем у взрослых, на истории его семьи, на самых важных, судьбоносных событиях из жизни бабушки, дедушки, отца и матери. Круг действующих лиц, окружающих маленького мальчика, составляют родные,

друзья и соседи. События, которые происходят с главным героем, разворачиваются пусть в переломный и важный для страны период, но все же это небольшой временной отрезок [2–7].

Свое произведение Пётр Храмов назвал «Инок». Заглавие носит явно символический характер. В «Толковом словаре русского языка. Современная версия» В. И. Даля читаем: «Инок – монах, чернец, черноризец; отшельник, пустыножитель» [8, с. 297]. Иноком главного героя назвала его первая учительница Анна Дмитриевна во время беседы с ним, когда она пыталась объяснить своему ученику основы арифметики, дающиеся ему с большим трудом из-за «излишне» развитого художественного воображения: «А ты интересный мальчик, прямо-таки – инок». «Инок – это священник?» – спросил я. «Нет, – отвечала она, – обязательно. Инок – это просто другой, иной человек – и-ной», – сказала она с улыбкой» [1, с. 80].

Конечно, иным можно назвать любого не вписывающегося в окружающий мир человека, не принимающего его правила, отвергающего основы тоталитарной системы, мир, который уничтожает индивидуальное, неповторимое начало в любом из нас. Но нам кажется, что символический подтекст, возникающий в названии повести, другой, более глубокий, христианский. Невольно вспоминается цитата из Библии, которой завершается повесть «Очарованный странник» Н. С. Лескова: «...Провещания его остаются до времени в руке сокрывающего судьбы свои от умных и разумных и только иногда открывающего их младенцам» [9, с. 398]. В повести Петра Храмова есть явно близкие к Библии и к мировоззрению «неукротимого ерисиарха» Н. С. Лескова размышления. Мудрыми и разумными Христос называет людей, усвоивших ложную мудрость, а младенцами – открытых людей, с чистым сердцем, подобных детям. Главный герой «Инока» – человек с девственной младенческой душой, которая остается незамутненной, несмотря на то что она взрослеет, мужает, закаляется, сталкивается с мерзостью жизни. Герой-инок, как лесковский странник Иван Флягин, все более и более

очаровывается красотой жизни, не черствея душой, сохраняя ее хрустально-чистой, отталкивая от себя все наносное и уродливое.

Поэтому неслучайно начинается повесть с мифологемы «дом», с детального описания дома, в котором поселили семью мальчика. «Ах, какой это был дом! <...> А вот дом удивил. Весь деревянный (только лестница белокаменная), бревенчатый с дивно врезанным орнаментом наличников, карнизов и балкончиков, с крутой крышей и флюгером на ней, с островерхими ажурными башенками, он как бы стремился к небесам и походил на остановившееся пламя. Он был весь розовый, а там, где облупилась розовая краска, как пепел, мерцало старое, в светло-серых ворсинках дерево» [1, с. 3]. А рядом с домом стоял тополь, над которым поднималась вечерами «тополиная звездочка», названная бабушкой мальчика «вещей». К тополию герой относился как к вечному дереву жизни, тополь воплощал для мальчика красоту, загадочность и непостижимость целой вселенной. Дерево стояло за садом, за которым «была рыжая глинистая гора, на горе – морг, а над моргом – тополь» [1, с. 7]. Вот яркое соединение брэнного, тленного и вечного!

Тополь и дом будут уничтожены, стерты с лица земли, но не преданы забвению героем. Дерево безжалостно срубят и символично: проститься с ним мальчик придет к зданию морга, где среди других бревен он узнает свой мертвый тополь. «Это было первое горе в моей жизни», – заметит автор, передавая чувства героя. И сила переживания мальчика огромна. Достаточно сопоставить чувства его после смерти дедушки, когда он скажет: «Это была первая смерть в моей жизни» [1, с. 170–172]. Смерть дедушки воспринимается мальчиком как страшное, но все же неизбежное и давно ожидаемое событие (дедушка долго болел), а смерть тополя для героя – это уничтожение самой жизни, ее основ.

Дом в повести тоже убьют, но позже: его уничтожат после войны, сравнив с землей место, где он когда-то стоял. Герой Петра Храмова, придя проститься с ним, увидел «свежий асфальт и каток в углу бывшего нашего двора» и почувствовал неловкость. Ведь «странно и совестно, как всегда, когда своими глазами видишь неотвратимость смерти» [1, с. 223]. Дом в повести писателя можно сопоставить с эдемом, а тополь – с райским садом. Ведь вечное стремление человека к красоте и гармонии связано с желанием вернуться в Эдем, из которого он когда-то был изгнан. На стыке веков, ощущая катастрофичность бытия, А. П. Чехов во многих своих произведениях будет создавать образы дома и сада, мечтая, что через сто лет земля превратится в цветущий сад и человек наконец-то станет счастливым. Наверное, поэтому дом из по-

вести «Инок» сравнивается Петром Храмовым не только со сказочными «хоромами царя Салтана», «дикивинным теремом», «вальтеровским замком», но в нем угадывается «совестливая и смиренная интеллигентность чеховского дома с мезонином» [1, с. 3–7].

Композиционный принцип, который положен в основу повести, – принцип контраста. В произведении два полюса – добра и зла, вечного и сиюминутного, прекрасного и безобразного. К первому относятся живая природа (небо, звезды, река, собаки, лошади и т. п.); созданные человеком и подаренные вечности храмы, картины; славная история России, ее литература; и, конечно, родные и близкие по духу люди, с чистой, стойкой, простодушной, как у ребенка, душой.

Полюс зла – это государственная система, машина тоталитаризма, извращающая, уничтожающая человека, превращающая его в автомат, жестокий «живой» механизм. В конце произведения одна из героинь скажет об этом так: «Да... рабочий класс самый реакционный, он ничем не связан с вечностью – ни землей, ни собственностью, ни людьми, ни памятью... Ни своей работой: все его поделки устаревают через пять-десять лет. Класс, работающий на свалку, – отсюда психология временщиков: после нас хоть потоп... Это не крестьяне: умирать собрался, а рожь сей... Это пьяные временщики, у которых нет ничего святого... Даже отечества... Даже надежд – их заменяют автоматы... роботы... Вот они и беснуются...» [1, с. 223–224]. Временщики Петра Храмова – это те же дачники, которые появились в зрелой прозе и драматургии А. П. Чехова, дачники, пришедшие на смену оседлой жизни, дворянской усадьбе и не несущие ответственности за все происходящее на этой земле.

В повести много эпизодов, рассказывающих читателю о беспощадности мира зла. Например, погонщики, «мужики-фантазеры», как саркастически называет их автор, истязают и забивают лошадей, которые «по воле партии и химерам невежества» не смогли вытянуть в гору бревна с берега реки на лесопилку. Те же мужики просто так, ради забавы поймали беззащитного бездомного пса и распилили его на той же лесопилке и т. д. Однажды душа ребенка не выдержала и взбунтовалась. Мальчик сначала плюнул в лицо, а потом с остервенением «рвал, кусал, царапал ненавистную и подлую тварь» парторга лесопилки, бездушно издеваясь над лошадьми [1, с. 92].

В повести Петра Храмова мы встречаем ряд философских и нравственных категорий и понятий, которым автор дает тонкие и точные характеристики, определения. Когда писатель рассуждает об этих философских категориях, его высказывания, выводы звучат емко и афористично. Приведем

только самые яркие примеры таких афоризмов. «Ржавеет золото и истлевает сталь, крошится мрамор – к смерти все готово. Всего прочнее на земле печаль и долговечней – царственное слово. Печаль. Слово. А меж ними – жизнь. Или то, что вместо нее» [1, с. 163]. «За двадцать лет, истерев сотни подошв и кистей, я понял одно: смирение перед Божьей волей есть единственно возможная форма существования человеческой души на этой земле» [1, с. 155]. «Литература – это не обычный „предмет“ вроде химии, а способ сохранения человеческой души и форма праведного ее существования» [1, с. 173]. «Была у меня примета; дабы весь день был удачным, я должен был с утра посмотреть в детские глаза – глаза Бога» [1, с. 187]. «„Настроения“... бывают у кухарок, лакеев и горничных... А люди порядочные, люди воспитанные просто не имеют права ни на какие кривляния души» [1, с. 191]. «Доброта, внучек, лукава, она бывает и корыстной; а вот благородство свято, это наглядное и единственное доказательство истинной человечности. Других – нет» [1, с. 194]. «Талант в России воспринимается как покушение на естественный ход вещей» [1, с. 203]. «Иной мир – мир добра и порядка – возможен, если вручить сердечным и хозяйственным женщинам, отобрав его у мятежных и легкомысленных (как Ленин) мужиков-фантазеров. Сравните: война, бунт, бардак, водка – молоко, уют, семья, мир. Поняли?» [1, с. 215]. «Люди бездумно и легкомысленно стареют от гордости, утрачивая в себе святую простоту детства» [1, с. 212]. «Грубость и хамство – это просто пароль советского человека» [1, с. 43] и др.

Интересны пространственно-временные особенности повести. Произведение состоит из трех частей, в первой – 14, во второй – 12, в третьей – 16 глав. В центре художественного текста – развитие и взросление светлой, божьей, детской души мальчика, чьи ощущения и оценки жизни отнюдь не кажутся наивными или незрелыми. В начале повести герою пять-шесть лет, затем он уже первоклассник, достигает отроческого возраста, дальше перед читателем юноша, окончивший школу, и, наконец, 26-летний мужчина. Но эти «возрастные состояния» души героя даны в повести не линейно, а зачастую параллельно. Приведем только один пример. Встретились два друга, мальчик и Стёпа, они ждут девочек Машу и Агарь, за которыми трогательно ухаживают. И вдруг, глядя на них, Степан говорит о том, что это идут их будущие вдовы. Эти слова оказались пророческими: через много лет, замечает герой-повествователь, Агарь получит похоронку на своего мужа, боевого летчика Степана Курпея. И такие переходы от настоящего к будущему и от настоящего к прошлому растворены в тексте произведения.

Писатель не часто, но прибегает к приему ретроспективы. Читатель узнает об истории семей мальчика и его школьных друзей, правда, такие сведения фрагментарны, но это, в свою очередь, не мешает Петру Храмову дать глубокую характеристику репрессированному русскому дворянству. О своих корнях, о своих бабушке и дедушке, о силе, стойкости, верности своим убеждениям и благородстве русской интеллигенции мальчик будет помнить всегда. С детских лет он с уважением и благоговением относился и к русской культуре. Еще в детстве бабушка прочитала внуку жизнеописание А. С. Пушкина, и после этого родной тополь казался мальчику лицейским садом, по которому «скучно бродил, то бегал вприпрыжку родненький наш арапчонок» [1, с. 8]. Именно рассказ о смерти А. С. Пушкина, строки В. А. Жуковского о последних минутах жизни поэта заставили еще маленького человека относиться к смерти далеко не по-детски. «А смерть Пушкина я по сей день воспринимаю как вообще Смерть. Да, смерть впечатлительного и благородного, великого и простого сердца превратила ужас абстрактного небытия в суть христианского прощения души» [1, с. 8]. Уже повзрослевший мальчик представлял себе А. С. Пушкина «жгуче-светлоглазым и смуглым, сердечно-простым и благородным, – то усмешливо-мудро, то с веселым, волчьим, жизнелюбивым оскалом; он понимал всех, оставаясь никем непонятым» [1, с. 174].

Еще одним ярким впечатлением детства стало посещение мальчиком и его друзьями под руководством его крестной, Елены Григорьевны, музея, в котором дети впервые увидели картину своего земляка Михаила Васильевича Нестерова «Видение отроку Варфоломею», вернее, ее незаконченный вариант. Обращаясь к этой картине, Елена Григорьевна рассказала ребятам о Сергии Радонежском, о Дмитрии Донском, о Куликовской битве, о единении Руси, о вере и Боге.

Имя А. П. Чехова практически рефреном проходит через всю повесть писателя, упоминаются многие его произведения («Вишневый сад», «Три сестры», «Каштанка»). И даже там, где, казалось бы, речь не идет о писателе и его творчестве, все равно ассоциативно мы ощущаем чеховское начало: говорится ли о русской интеллигенции, дается ли описание дома и сада (в этих картинах сохранен и передан чеховский дух), рассказывается ли о первом путешествии мальчика, во время которого герой, как чеховский Егорушка из повести «Степь», впервые открывает для себя огромный мир, чувствуя в бескрайних просторах богатейское, мощное начало, и т. д.

Но, пожалуй, самыми интересными являются рассуждения одной из героинь повести об особой

этике А. П. Чехова, которую можно охарактеризовать как «комфортный стоицизм культуры». «Чехов – единственный наш писатель, который понимал, что дело не в социальных и общественных идеях, которые неизбежно ссорят людей, не в «направлениях», которые тоже их разобщают, а в постоянном – как жизнедеятельность живого организма – нравственном усилии» [1, с. 228].

Но временная категория «вечное» (славная история России, ее литература, живопись, храмы и т. д.) сопряжена в тексте повести с категориями, понятиями и именами общественно-политической жизни: тоталитарная система, классовая вражда, вожди советского государства (Ленин, Сталин, Хрущёв), культ личности и т. п. Даже дети вовлечены во взрослые политические игры: они рассуждают, спорят, высказывают свое отношение к поверженному кумиру Сталину и новому «пророку» Хрущёву. Вот диалог главного героя и его верного друга, девочки Маши, в которую мальчик был влюблен с первой их встречи: «Михална, – сказал я назидательно, – товарищ Сталин был гораздо сложнее, чем представлялось это колхозным добродетелям блаженного Никиты». Маша сменила тон: «Да. Но этот юридический реабилитировал и твоего, и моего дедушку». Я вздохнул... сказал уже вслух с раздражением: «Пойми же, Маша, Сталин был точно по размеру нашего народа. Его любили и любят под стать его подлости, его холопства, его зависти, чудовищной его жестокости, по точным размерам примитивнейшей его „справедливости“». Невидящим взглядом Маша посмотрела окрест и спросила меня простенько: «А народ всегда был таким?» Я задумался. И тогда и сейчас» [1, с. 94].

И все же центром автобиографической повести Петра Храмова являются не политические события, ход времени, историческое прошлое и настоящее России, а люди с живыми и мертвыми душами. И те и другие поражают своей полнотой, скрупулезностью и точностью изображения. Великая литература XIX в. подарила миру образцы женских образов, в каждом из которых воплотилось представление русского художника об истинной чистоте и красоте женской души. По мнению автора, и Петру Храмову удалось внести свой неповторимый вклад в создание вечных женских образов.

В произведении целая галерея ярких женских характеров. Это крестная главного героя Елена Григорьевна, трогательная и деликатная женщина, рисующая «человеческие лики членов сталинского политбюро» «с почти религиозным усердием» и в это же время рассказывающая о жизни Христа своему крестнику [1, с. 17]. Мать мальчика, работающая учительницей, часто одергивающая домашних за излишнее и опасное в годы войны вольнодумство, но отчаянно бунтовавшая в годы юности (она

участвовала в нудистской демонстрации протеста, пройдясь по улицам своего родного города Ростова голый), не предавшая своего репрессированного отца и не сменившая фамилию после замужества. Неземная красавица Нагима Асхатовна, чьей природной простотой и естественностью так восхищался главный герой. Смешная, искренняя, хрупкая, но иногда не по годам стойкая девочка с редким древнеегипетским именем Агарь.

И все же особо выделяются среди этого многоцветья женских характеров образы бабушки и Маши. Они для героя воплощение истинной, постижимой силы духа, чистоты помыслов, верности своим убеждениям и целомудрия.

«Такой же постоянной, как река, и изменчивой, как ее состояние, была моя бабушка – русская дворянка с крепкими мужицкими руками, молчаливая, твердая, светлоглазая, невероятно впечатлительная, до смешного самостоятельная и до странности добрая» [1, с. 4]. Бабушка всегда была для своего внука верным другом, примером глубоко образованного человека и настоящей интеллигентности. Она всей душой верила в то, что на хамство и злобу нужно и можно отвечать только добром.

«Кроткая и чуткая Маша характер имела вполне русский – несокрушимый, как у боярыни Морозовой» [1, с. 121]. Именно в Маше, с которой главный герой повести познакомился еще в первом классе, мальчик почувствовал родственную душу, способную на самоотверженную помощь, понимание и сострадание. Безусловно, именно характеры бабушки и Маши получились у Петра Храмова наиболее цельными и яркими.

Нельзя не обратить внимание еще на некоторые особенности повести «Инок»: во-первых, пейзажные зарисовки, в которых чувствуется мастерство писателя-живописца, художника (точно передан цвет, положены тени, расположены детали пейзажа и т. д.), а во-вторых, тонкий юмор, иронию автора. Приведем только несколько примеров из эпизода поездки мальчика к своему дедушке. Во время путешествия мальчик видит в вагоне лихих комсомольцев, которые «шепотом матерились и обсуждали половые вопросы», веселились, пьянствовали, играли в карты. На первой же большой станции, выйдя за спиртным, они отстали от поезда. Их попутчиков (мальчика и старушку) просят подписать протокол, так как молодые люди оставили в поезде свои вещи. «Я сказал, что я „маленький“, а старушка оказалась неграмотной – я расписался вместо нее – „Шилкина“. „И сам распишись, чего там“, – сказал проводник с уважением к моей образованности. Конечно, я не стал писать свою настоящую фамилию – зачем? – а старательно вывел красивую и заграничную „Крузенштерн“» [1, с. 121]. Следующий пример. На одном «кумачо-

вом предназначении» мальчик прочел: «Под знаменем Маркса – Ленина – Сталина и товарища Минжуренко У. К. – вперед к победе коммунизма!» Оказалось, что Минжуренко У. К., который был почему-то указан на лозунге рядом с великими вождями, – партработник районного масштаба. «Дня через два все разъяснилось: сам товарищ Минжуренко У. К., прибывший в колхоз для воодушевления, прочитал лозунг и сказал колхозным вождям с укоризной, но всепрощающей мягкостью: «Нельзя же так, товарищи, вы про Энгельса забыли» [1, с. 141].

И последнее, что хотелось отметить, говоря о художественных достоинствах повести, – это образ главного героя-повествователя, который выступает в тексте то тонким, внимательным созерцателем природы, философом, чьи размышления о жизни опираются на вечные христианские истины, то безжалостным критиком, дающим точные оценки и характеристики уродливым явлениям действительности. Но более всего поражает в храмовском герое твердая гражданская позиция, его убеждения, которым может позавидовать современный бесхребетный человек – человек безвременья.

Повесть Петра Храмова «Инок» – произведение, которое может быть адресовано молодому и более зрелому читателю. Каждый найдет в авторской исповеди то, что созвучно его душе, его опыту, его жизненным устремлениям. Но одно безусловно: повесть написана пером талантливого человека, чей внутренний мир так многогранен, многоцветен и яростен, что вбирает в себя все многообразие окружающей действительности. В статье «Хрустальный крест» П. И. Фёдоров пишет: «С истинным христианским смирением П. Храмов рисует в своем романе не ужасы сталинизма, а веру людей, помогавшую выжить в нечеловеческих условиях. В отличие от многих современных писателей он четко фиксирует борьбу Добра со Злом в окружающем мире и душах своих героев. <...> Творчество даже самых великих художников является лишь каплей в океане народной культуры. И тут важен не столько размер или оригинальная форма этой «капли», а ее химический состав, соответствующий или не соответствующий миллионам других. В случае с Петром Храмовым решающую роль играет не поверхностное сходство, а глубинное соответствие его произведения религиозно-нравственным традициям русской культуры» [10, с. 124].

Список литературы

1. Храмов П. Инок. Уфа: Китап, 2012. 256 с.
2. Русская повесть XIX века: история и проблематика жанра / ред. Б. С. Мейлах. Л.: Наука, 1973. 565 с.
3. Кузьмин А. И. Повесть как жанр литературы. М.: Знание, 1984. 111 с.
4. Ванюков А. И. Русская советская повесть 20-х годов. Поэтика жанра. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. 200 с.
5. Русская советская повесть 20–30-х годов. Л.: Наука, 1976. 455 с.
6. Головкин В. М. Поэтика русской повести. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1992. 191 с.
7. Тамарченко Н. Д. Русская повесть серебряного века. Проблемы поэтики сюжета и жанра. М.: Интрада, 2007. 256 с.
8. Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М.: Эксмо-Пресс, 2000. С. 297.
9. Лесков Н. С. Очарованный странник // Собрание сочинений: в 6 т. М.: Экран, 1993. Т. 5. 575 с.
10. Фёдоров П. И. Хрустальный крест // Бельские просторы. 2011. № 1. С. 124.

Прокофьева И. О., старший преподаватель.

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы.

Ул. Октябрьской революции, 3а, Уфа, Республика Башкортостан, Россия, 450000.

E-mail: kazahenko2010@mail.ru

Материал поступил в редакцию 05.11.2013.

I. O. Prokofieva

ARTISTIC ORIGINALITY OF A CONFESSIONAL-BIOGRAPHICAL STORY BY P. KHRAMOV “COENOBITE”

This article is devoted to modern Ufa prose, the analysis of the story of a talented Ufa artist and writer P. Khramov, the originality of the plot, the composition, imaginative system, the system of techniques used by the novelist in his story “Coenobite”.

Key words: *Ufa prose, story, hero-narrator, mythologema, principle of contrast, aphoristic, retrospective of the space-time coordinates, gallery of female characters, irony.*

References

1. Khramov P. *The monk*. Ufa, Kitap Publ., 2012. 256 p. (in Russian).
2. *XIX century Russian novel: The history and problems of the genre*. Ed. Meilakh B. S. Leningrad, Nauka Publ., 1973. 565 p. (in Russian).
3. Kuzmin A. I. *The story as a genre of literature*. Moscow, Knowledge Publ., 1984. 111 p. (in Russian).
4. Vanyukov A. I. *Russian Soviet story of 20s. The poetics of the genre*. Saratov, Saratov University Publ., 1987. 200 p. (in Russian).
5. *Russian Soviet novel of 20s–30s*. Leningrad, Nauka Publ., 1976. 455 p. (in Russian).
6. Golovko V. M. *Poetics of Russian novels*. Saratov, Saratov University Publ., 1992. 191 p. (in Russian).
7. Tamarchenko N. D. *Russian story of Silver Age. Problems of poetics of plot and genre*. Moscow, Intrada Publ., 2007. 256 p. (in Russian).
8. Dal' V. I. *The Dictionary of Russian language. The modern version*. Moscow, Eksmo-Press Publ., 2000. 297 p. (in Russian).
9. Leskov N. S. *Fascinated Wanderer*. Coll. 6 vols. M.: Screen Publ., 1993. Vol. 5. 575 p. (in Russian).
10. Fedorov P. I. Crystal Cross. *Bielski spaces*, 2011, no. 1, p. 124 (in Russian).

M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University.

Ul. Oktaybrskoy Revolutsii, 3a, Ufa, Bashkortostan, Russia, 450000.

E-mail: kazahenko2010@mail.ru